

Постоянное стремление Епифания Премудрого отделить свое произведение от всего земного, «материального», возвысить его до «дела божьего» проявляется и в предисловии к Житию Сергия Радонежского. Предисловие представляет собой развернутое сравнение: житие святого — трапеза духовная («Се убо духовная трапеза предлежит»).¹⁶ Житие рассматривается как проповедь, произносимая на церковных празднествах. Проповедь предлагается как трапеза духовная, значит и житие должно восприниматься как духовная пища. Писателю очень важно отметить этот момент. Здесь корни его литературной теории. Житие, являющееся само по себе «вещественным» литературным произведением в силу своего назначения и содержания (воспевание и прославление необыкновенного деяния святого), как бы перестает быть материальным, земным, обычным, а превращается в духовное, идеальное — духовную трапезу.

С одной стороны, Епифаний возвышает самую тему своего произведения и заставляет своего читателя или слушателя проникнуться святостью совершаемого дела, с другой — автору жития в соответствии с его литературной позицией необходимо подчеркнуть, что он сам, как «земной» человек, пассивен и действует лишь благодаря воле божией.

Если учесть все это, то становится понятным и использование «причастия» в качестве художественного образа: как через евхаристию верующий соединяется с Христом и получает залог вечной жизни, так и через проповедь — духовную трапезу — человек, вкушая пищу духовную, отрешается от «земных», «греховных» дел, очищается, получает возможность познать истину («Приидете ж ако да причастимся словесы»).¹⁷ Епифаний последовательно использует образы евхаристии: «се хлебы неистоощаемя пища», «се вино душа и телеса веселящее». ¹⁸ Однако евангельский смысл евхаристии изменен. Все воспринимается как духовное, абстрактное. Вкушая духовную пищу, восхищаясь деяниями святого. Для Епифания Премудрого неважно реальное значение трапезы-проповеди. Он хочет внушить читателям, что житие как литературное произведение для него не существует. Ему важно проникнуть в самую сущность события. Используя образ евхаристии, писатель думает о ее символическом значении. Говоря о трапезе, он имеет в виду проповедь, житие. Трапеза — символ, образ проповеди, как хлеб и вино — символы христианской веры.

В отличие от жития Стефана, в данном случае Епифанию не понадобилось подробно объяснять причину написания жития, зато о трапезе писатель говорит много и с большим чувством.

Все это в целом поясняет и развивает одно из основных положений литературной теории Епифания: писание жития — дело божие, далекое от «земных», «греховных» дел.

Трапезы духовной достойны лишь немногие. На трапезу-проповедь — чтение жития — приглашаются монахи, празднолюбы, овчата духовные ¹⁹ и т. д., т. е. какие-то определенные, избранные лица, далекие от мирских дел. Тем самым как бы определяется круг читателей, на которых рассчитано литературное произведение: «Сподоби мя принести похвалы тебе, приносящаго молбы о моей худости, к Христу богу нашему. Аще бо и вси достойни. Но аз надостойн есмь влекою и жадаю, да поне крупицам трапезы избранных причастник буду. Могут бо и множество крупиц насытити алчущих душа, наипаче же духовных отец учения, и душеполезнаа словеса не токмо телеса, но и самую душу могут укрепити и окормяти

¹⁶ Древние жития Сергия Радонежского. Изд. Н. Тихонравова. М., 1892, стр. 70.

¹⁷ Там же, стр. 71.

¹⁸ Там же, стр. 70.

¹⁹ Там же.